

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 404–411

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 404–411

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-4-404-411>, EDN: DVJAOX

Научная статья

УДК 821.161.1.09-3+929 Достоевский

Изображение русского народа в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского

Ян Цзинхун

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Ян Цзинхун, аспирант кафедры истории русской литературы, yangj@my.msu.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7340-7184>

Аннотация. В современных культурных процессах проблемы сущности ментальности русского народа в художественных произведениях Достоевского приобретают важнейшее значение. В статье дается подробный анализ созданных Ф. М. Достоевским образов русского народа и картин их жизни в «Записках из Мертвого дома», выявляется происхождение идей почвенничества в творчестве Достоевского начала 1860-х гг. Выделяются следующие основные типологические группы образов народа: типы «кротких» и «ожесточенных», «мучителей» и «жертв», «своевольных» и «слабых сердцем». Делается вывод, что Достоевский утверждал заложенную в русской православной культуре религиозную «всеотзывчивость» и призывал русский народ взять на себя миссию мессии. По его мнению, «европеизированные» русские интеллигенты – это морально заблудшие души, временно оторванные от корней народа в результате реформ Петра Великого, которым суждено было слиться с народом. Он выступал против формы «среда заела» и утилитаризма и призывал вернуться к самому искусству. Хотя Достоевский и не скрывал очевидной жестокости, варварства и отсталости русской крестьянской жизни, он все же считал, что в основе крестьянской жизни сохраняются благородные христианские добродетели милосердия и самопожертвования. Он верил в духовную силу и нравственную мощь русского народа и видел путь спасения развитой личности в слиянии с ним. Значимость работы заключается в углубленном и конкретном осмыслении проблемы народа и народности в творчестве Достоевского. Результаты работы могут быть использованы при исследовании творчества Достоевского в вузах.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Записки из Мертвого дома», народность, почвенничество, русский народ, православие, русская идея, духовность

Для цитирования: Ян Цзинхун. Изображение русского народа в «Записках из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2024. Т. 24, вып. 4. С. 404–411. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-4-404-411>, EDN: DVJAOX

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The image of the Russian people in *Notes from a Dead House* by F. M. Dostoevsky

Yang Jinghong

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Yang Jinghong, yangj@my.msu.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7340-7184>

Abstract. In modern cultural processes, the problems of the essence of the mentality of the Russian people in Dostoevsky's artistic works are acquiring critical importance. The article provides a detailed analysis of the images of the Russian people and pictures of their life created by F. M. Dostoevsky in *Notes from a Dead House*, and reveals the origin of the ideas of Pochvennichestvo in Dostoevsky's work of the early 1860s. The following main typological groups of images of the people are distinguished: the types of "meek" and "fierce", "tormentors" and "victims", "self-willed" and "weak-hearted". It is concluded that Dostoevsky affirmed the religious tolerance inherent in Russian Orthodox culture and called on the Russian people to take on the mission of the messiah. In his opinion, "Europeanized" Russian intellectuals are morally lost souls, temporarily cut off from the roots of the people as a result of the reforms of Peter the Great, who were destined to merge with the people. He opposed the "Blame circumstances" form and utilitarianism, and called for a return to art itself. Although Dostoevsky did not hide the obvious cruelty, barbarity and backwardness of Russian peasant life, he still believed that the noble Christian virtues of mercy and self-sacrifice remained at the core of peasant life. He believed in the spiritual strength and moral power of the Russian people and saw the way of salvation for a developed personality in uniting with the people. The significance of the work lies in the in-depth and detailed understanding of the problem of people and nationality in Dostoevsky's works. The results of the work can be used in the study of Dostoevsky's oeuvre in universities.

Keywords: F. M. Dostoevsky, *Notes from a Dead House*, nationality, Pochvennichestvo, Russian people, Orthodoxy, Russian idea, spirituality

For citation: Yang Jinghong. The image of the Russian people in *Notes from a Dead House* by F. M. Dostoevsky. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2024, vol. 24, iss. 4, pp. 404–411 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2024-24-4-404-411>, EDN: DVJAOX

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Русский народ, его нравственные ориентиры и историческая миссия были постоянной темой произведений Достоевского. Будучи «настоящей энциклопедией национально-религиозной жизни России» [1, с. 20], «Записки из Мертвого дома» представляют читателю целостную картину жизни обитателей каторги, где Достоевский увидел «совершенно новый мир, до сих пор неведомый» [2, т. 4, с. 8]. В процессе познания этого каторжного мира писатель постепенно преодолевает свои собственные предрассудки и развивает новое понимание человечности и неожиданных, парадоксальных черт натуры русского народа, который поначалу вызывал у него отвращение и разочарование. Такое изменение понимания воспроизводит мучительный процесс морально-психологической ассимиляции и переоценки, который пережил лично Достоевский. Как показывает Г. К. Щенников, «движение сюжета в “Мертвом доме” – это раскрытие под корой грубых чувств и грубых отношений настоящего народа <...> у которого <...> “золотое сердце”» [3, с. 88].

Достоевский придавал большое значение полученным в остроге знаниям о народе, народности и природных культурно выработанных чертах народного характера, которые легли в основу его мировоззрения. Хотя повесть носит автобиографический и документальный характер, художественная интерпретация реальных событий в «Записках...» явно превосходит чистое документальное описание действительности заключенного. Достоевский «не просто создавал из прототипов образы-типы, он противопоставлял их в идейном плане, дифференцируя на носителей “мертвенности”, типичных представителей “омертвляющей” среды “мертвого дома”, с одной стороны, с другой – носителей неумирающей жизни, народного начала» [4, с. 67–68].

При всей изученности народная проблематика в «Записках из Мертвого дома» отличается несомненной актуальностью, но и в наши дни все еще отсутствуют отдельные, специально посвященные этой теме исследования.

В нашей работе поставлены следующие задачи:

– исследовать типологию образов народа и черты русского народного характера, раскрытые в «Записках...»;

– анализировать народные образы с разных точек зрения: проявление в них добра и зла, влияние окружающей среды на них и т.д.;

– проследить воздействие народных типов «Записок» на характеры героев дальнейшего творчества Достоевского и на мировоззрение писателя в целом;

– выявить идеи почвенничества и проблему народности и народа в повести.

Типология народных образов и черты русского народного характера

Как показано В. Г. Одиноким, Достоевский «стремится создать эпохальный “тип”, определяемый и социально-историческими условиями, и особой психологической “конституцией”» [5, с. 13]. Поэтому персонажи произведений Достоевского приобретают «сверхтипичность», для них часто характерны повторяемость и варьирование отдельных образов-характеров. А критериев для типологизации этих образов за историю достоевковедения было предложено достаточно много. При этом каждому типу оказываются свойственны те или иные доминантные черты характера. Впервые к типизации образов в творчестве Ф. М. Достоевского обратились литературные критики Н. А. Добролюбов, А. А. Григорьев, затем В. Ф. Переверзев и Л. П. Гроссман. Данным вопросом занимаются также современные ученые, такие как В. З. Гассиева, Т. А. Касаткина, В. И. Габдуллина и др.

К анализу персонажей народа в «Записках из Мертвого дома» могут быть применены типологические оппозиции, предложенные в статьях Н. Добролюбова (типы «кроткий» и «ожесточенный») [6, с. 36], Н. Михайловского (типы «мучители» и «мученики») [7, с. 158] и В. Ф. Переверзева (типы «своевольные» и «слабые сердцем») [8, с. 153]. Классификация Добролюбова по реакции на оскорбление их достоинства соответствует контексту «Мертвого дома» как хронотопа, собирающего униженных и оскорбленных, и позволяет включить в эту типологическую систему фактически все персонажи народа. К «кротким» народным персонажам Достоевского относятся Старовер, Акулька и Сироткин, а к «ожесточенным» – Газин, Шишков (Акулькин муж) и каторжные начальники (поручики Жеребятников, Смекалов, плац-майор Кривцов). Среди них, согласно классификации Н. Михайловского, Шишков выступает мучителем Акульки. Руководствуясь идеей Переверзева, к представителям типа «слабых сердцем» можно отнести Сушилова и Шишкова, а к типу «своевольных» – Орлова, Петрова и Лучку.

«Кроткие» народные образы в повести выступают в разных функциях: они и жертвы «Мертвого дома», и «лучи света» в нем. В них есть внутренняя сила, стержень, помогающие сохранить лучшие человеческие качества даже в условиях каторги. Они способны быть терпимыми и человечными к окружающим, проявлять нежность, гуманность и сострадание. Достоевский связывает с кроткими образами народа потребность в страдании, готовность к всепрощению и искуплению общей вины, считая эти качества высшими проявлениями нравственности. Для них были свойственны смирение по отношению к Богу и безропотное перенесение скорбей.

Старик старовер является первым образом типа «старца» у Достоевского, который будет продолжен странником Макаром Долгоруким, архиереем Тихоном и старцем Зосимой. О старовере в «Записках из Мертвого дома» сказано: «Редко я встречал такое доброе, благодущное существо в моей жизни... Он был весел, часто смеялся – ясным, тихим смехом, в котором много было детского простодушия» [2, т. 4, с. 34]. Однако старик-старообрядец испытывает никому не ведомую боль оттого, что его вера осквернена, и плачет по ночам из-за этого. Он «с виду был спокоен», но автор по некоторым признакам полагает, что «душевное состояние его было ужасное. Впрочем, у него было свое спасение, свой выход: молитва и идея о мученичестве» [2, т. 4, с. 197]. В образе старика-старообрядца не только отображаются фанатичные религиозные убеждения, превратившиеся в часть самой личности, но и показываются его глубокий и сложный характер, чистая и стойкая человечность.

Образ Акульки соотносится с народным и христианским идеалом женщины, основная черта которого – способность к самопожертвованию и всепрощению. Ее опыт представлял собой реконструкцию крестного пути Христова: невинного человека оклеветали, избili и убили. Кажется, она представляет собой вечную жертву, страдающую без вины и умирающую жертвенно. По мнению Г. Розеншильда [9], успех Акульки как художественно-психологического творения особого рода, напрямую объясняется ее простотой. Чем более психологически сложными становятся женщины Достоевского, тем более недостижимым для них становится идеал прощения. Наиболее близкими Акульке по всепрощению и состраданию персонажами будущих произ-

ведений Достоевского являются Лиза в «Записках из подполья», а также Соня и Лизавета в «Преступлении и наказании».

Сироткин является практически невинной жертвой «палаческих» отношений в обществе неравенства и социальной несправедливости. Он был тихий и кроткий, хорошенький мальчик, но способный в крайностях к бунту. Трагедия образа Сироткина, покладистого существа, неприспособленного к нечеловеческим условиям жизни, заключается не только в его наивности, безрассудной доброте и доверчивости, которые в нормальных социальных условиях вообще нельзя назвать недостатками. Это натолкнуло автора на вопрос «За что это смиренное простодушное существо явилось в острог?» [2, т. 4, с. 207].

Сушилов входит в разряд «слабых сердцем», особенность которых в стремлении «уничтожить свою личность всегда, везде и чуть не перед всеми, а в общих делах разыгрывать даже не второстепенную, а третьестепенную роль. Все это у них уж так по природе» [2, т. 4, с. 59]. Они своего рода «нищие от природы», как бы вообще лишены своей воли. Как показывает А. П. Белик, это люди «тысячелетиями приучиваемые к безропотному исполнению чужой воли, люди-исполнители» [10, с. 102]. По пути в Сибирь Сушилов утяжелил свою судьбу, «поменявшись» с другим преступником. Он «был очень жалкий малый, вполне безответный и приниженный, даже забитый, хотя его никто у нас не бил, а так уж, от природы забитый» [2, т. 4, с. 59]. А именно в этом совершенно непривлекательном, безличном и «забитом» человеке раскрывается глубокая и чувствительная человеческая натура. Он добровольно и усердно служил автору не из-за денег, а из преданности в дружбе и заботы о ближнем.

А ожесточенные личности характеризуются отсутствием морального начала и бездуховностью. Они своего рода носители «мертвенности», продавшие свои души «омертвляющей» среде «Мертвого дома», отмечены чертами жестокости, гордости и садистской склонности.

В глазах повествователя Газин был «огромной, исполинской паукой, с человека величиною», оставляющий на него «страшное, мучительное» и «отвратительное» впечатление [2, т. 4, с. 40]. Он любил прежде резать маленьких детей и получал удовольствие от их боли и страха. Газин является воплощением чистого зла, а насилие над детьми рассматривается как признак демонической природы (Свидригайлов и Ставрогин). Злые силы символизируются

образом пауков (Версиков, Ипполит, Иван Карамазов). Однако даже в глубине души Газина, такого «паука, с человека величиною», есть внутреннее стремление к человеческой красоте, поэтому он инстинктивно тянется к Сироткину, которому присуще то, чего ему самому не хватает, – человечность. Это подтверждает неистребимость и непобедимость его внутреннего стремления к человеческой красоте.

А в отличие от Газина, жестокость, проявленная Акулькиным мужем, проистекает, скорее, из робости и отсутствия смелости быть великодушным и добрым. Слабый и трусливый Шишков не в состоянии противостоять травле Фильки, который насмехается над ним, что тот был так пьян в брачную ночь, что не мог знать, невиновна ли Акулька. Он вымещает свои унижения на жене, неоднократно избивая ее и в конце концов убив за ее публичное признание Фильке. История убийства Шишковым своей жены Акульки становится ключом к пониманию языческого мира русских крестьян, лишенных свободы, воли и ответственности.

Стоит отметить, что подлость, коррупционность и извращенность каторжных начальников даже намного превосходят такую у большинства преступников в «Мертвом доме». Поручики Жеребятников и Смекалов, плац-майор Кривцов представляют собой палачей-эзекуторов по должности, их наиболее заметной общей чертой является садизм.

Поручик Жеребятников выделялся особой жестокостью и садистскими наклонностями, работая эзекутором, он любит с наслаждением и с «утонченностями» бить арестантов и изобретать разные противоестественные вещи в части порки арестантов. В отличие от брезгливого и презрительного отношения к Жеребятникову, про поручика Смекалова вспоминали у каторжан «с радостью и наслаждением» [2, т. 4, с. 150]. Он приобрел особенную популярность, был «человек простой, даже по-своему добрый», и каторжане его «признавали за своего» [2, т. 4, с. 150]. Жестокость Смекалова была вызвана только должностными обязанностями, «он как-то так умел сделать, что на него не только не злостовали, но даже <...> вспоминали о его штучках при сечении со смехом и с наслаждением» [2, т. 4, с. 151].

А его преемник плац-майор Кривцов был полной противоположностью. «Этот майор был какое-то фатальное существо для арестантов» [2, т. 4, с. 14], всего более страшились арестанты его пронизательного, рысего взгляда, его звали

восьмиглазым. Примечательно, что образ паука опять воплощается в представлении рассказчика о плац-майоре: «...багровое, угреватое и злое лицо его произвело на нас чрезвычайно то-скливое впечатление: точно злой паук выбежал на бедную муху, попавшуюся в его паутину» [2, т. 4, с. 214]. Паук здесь не только выражает его утрату человечности и нравственную развращенность, но и отражает страх, который Кривцов наводит на заключенных.

Достоевский уделяет также огромное внимание влиянию «униформы», отраженной в образе плац-майора: «В мундире он был гроза, бог. В сюртуке он вдруг стал совершенно ничем и смахивал на лакея. Удивительно, как много составляет мундир у этих людей» [2, т. 4, с. 218]. Палачи, подобные плац-майору, способны получать удовольствие от боли своих жертв, к которым у них нет абсолютно никакой ненависти, хотя в повседневной жизни они могут быть людьми «даже добрыми, даже честными, даже уважаемыми» [2, т. 4, с. 155]. Замещаясь своими социальными ролями и униформой, эти «исполнители» Мертвого дома не представляют собой человеческой личности. Достоевский отмечает, что «свойства палача находятся почти в каждом современном человеке» [2, т. 4, с. 155]. Безграничное своеволие и потребность самовласти угрожают свободе, а путь свободы – крестный путь страдания.

«Своевольные» личности – своего рода носители неумирающей свободной воли и народного начала. Им были свойственны агрессивные протесты против своего ничтожного положения в жестоком обществе. Они наделены такими чертами, как физическая, внутренняя и духовная сила, негибкая воля и бесстрашие. Орлов, Петров и Лучка в повести также относятся автором к числу «решительных людей», у которых могучие, по-своему самобытные и талантливые человеческие индивидуальности.

Фамилия Орлова выглядит вполне символично и перекликается со вставленным эпизодом о попавшем в острог раненом орле. О нем Достоевский пишет: «...никогда в жизни я не встречал более сильного, более железного характером человека... Это была наяву полная победа над плотью. Видно было, что этот человек мог повелевать собою безгранично, презирая всякие муки и наказания и не боялся ничего на свете» [2, т. 4, с. 47]. Гордый Орлов обладает вольным и безудержным духом и твердым мужественным характером. Он изо всех сил стремился к свободе и презирал физические муки и

страдания. Орлов высокомерно издевается над Достоевским за попытку дойти до собственной совести и заставить себя хоть как-то покаяться, презирая в нем «слабого человека». Для него обычная мораль – жалкое ребячество. Здесь мы можем взглянуть на морально-психологическую основу типа будущего «сверхчеловека», как Раскольников, Свидригайлов и Ставрогин. От разбойника Орлова зародился миф о человекобоге, в идеологии которого, как показывает А. Б. Криницын, «важна не преступность сама по себе, а высшая сила духа, побеждающая слабость плоти, что и делает такую личность богоравной, способной, при невозможности бессмертия, духовно восторжествовать над смертностью» [11, с. 127].

Петров немного похож на Орлова. Писатель дает ему следующую характеристику: «...Петров, может быть, самый решительный, бесстрашный и не знающий над собою никакого принуждения человек» [2, т. 4, с. 84]. Он был благоразумен и даже смирен. В нем таились сильные и жгучие страсти, но этим горячим силам суждено медленно угасать в «Мертвом доме». В отличие от Орлова и Петрова, Лучка даже ближе к «кротким» типам. О таких, как Лучка, автор пишет: «...живет этот человек тихо и смиренно. Доля горькая – терпит... Вдруг что-нибудь у него сорвалось; он не выдержал и пырнул ножом своего врага и притеснителя» [2, т. 4, с. 87]. Его бунтарство выражалось через отрицание зла и разврата врага и притеснителя. Лучка убил майора только для того, чтобы доказать неверность утверждения майора: «Я царь, я и бог!» [2, т. 4, с. 91].

Итак, Достоевский не скрывал и не преуменьшал варварско-садистское поведение заключенных, напротив, он с чуткостью наблюдал за различными уголками человеческой души, не избегая самых отдаленных и темных. Писатель глубоко проанализировал темные иррациональные глубины людей и рассмотрел то, что погибло в человеке под влиянием дурно сложившихся внешних обстоятельств; показал, что зло существует не только в общественном устройстве, но и в самой природе человека. Убожество, царящее в народной среде, а затем и отсутствие какого-либо явного раскаяния среди преступников являются убедительным доказательством того, что злоба в душе бывает сильнее, чем человеческое сострадание или присутствие Бога. Рассказчик «Записок...» сам изо всех сил пытался поверить в реальность и доброту Бога, переживая о несправедливости

жестокости мира. Это послужило мощным аргументом в пользу атеизма его персонажей и стало центральным вопросом, который беспокоил главных героев Достоевского, от Раскольникова до Ивана Карамазова.

Однако после длительного наблюдения писатель обнаружил, что, помимо нежных и добросердечных по своей природе людей из народа, даже самые жестокие заключенные и острожные начальники обладали остаточной глубокой и чистой человечностью. Большинство каторжан набожны, просты и трудолюбивы, любят жизнь, жаждут свободы, обладают чувством справедливости. Им свойственны сложные душевные процессы и многогранная внутренняя жизнь. Незирая на порой страшные искушения и падения, они – носители духовной истины, т. е. православия. Хотя в «Записках из Мертвого дома» показывается, что подавляющее большинство заключенных питает глубокие предубеждения и презрение к Горянчикову как к дворянину, сам писатель вынес с каторги веру в русский народ и его положительные прекрасные качества. Здесь же истоки и начало пути писателя к «почвенничеству».

Воплощение идей почвенничества и проблемы народности Достоевского в образах русского народа. Достоевский об идеале и исторической миссии народа

На каторге Достоевский знакомился с представителями различных этносов и конфессий России, в том числе с мусульманином Алеем, евреем Исаем Фомичем, старичком-старообрядцем и др. По его мнению, духовная сила русского народа проявляется в его «всеотзывчивости» и уважении к другим этносам, народностям и верованиям: упреки в происхождении, в вере, в образе мыслей инородцев «встречаются в нашем простонародье... очень редко» [2, т. 4, с. 210].

У мусульман Нурры и Алея были прекрасные, чистые души, и страницы, посвященные им в книге, – самые светлые и идеальные. В их характерах замечается сочетание наивности и доброты, услужливости и заботливости, душевной мягкости и мужества. Нурра не относился к писателю равнодушно или враждебно потому, что тот был аристократом. Он хлопал Горянчикова по плечу и старался воодушевить и поддержать его собственными жестами. Нурра был чрезвычайно богомолен. В посты перед магометанскими праздниками он целые ночи усердно выстаивал на молитве. Все любили его

и верили в его честность. Алей автору показался чрезвычайно умным мальчиком, скромным и деликатным. Он с особенным чувством проговаривает слова из проповеди Христа: «...прощай, люби, не обижай и врагов люби» [2, т. 4, с. 54], которые и говорил Иса святой пророк в Коране. Восклицание мусульманина о Христе: «Ах, как хорошо он говорит» [2, т. 4, с. 54] знаменательно и чрезвычайно важно, что доказывает общность ислама и православия.

Образ еврея Исаея Фомича тесно связан с комплексом национально-религиозных представлений автора о еврействе. С одной стороны, рассказчик характеризует его как хитрого и лицемерного шута, но с другой стороны, отмечает его терпение, твердую веру и верность национальной религиозной традиции. В сцене молитвы бедного иудея ирония автора исчезает, персонаж приобретает глубину, не замеченную в оригинальном портрете. Как показывает П. Берлин, для Достоевского в Исае Фомиче «начал просвечивать еврей, как носитель древнего иудейства с его пророками, с его многострадальным Иовом» [12, с. 81].

Но наиболее напряженно показаны в «Записках...» духовные искания русских заключенных. Самой впечатляющей является сцена молитвы старика-старовера, плачущего по ночам, испытывающего неведомую боль из-за профанации его веры. Хотя старик выглядел спокойным, его душевное состояние было ужасное. «Впрочем, у него было свое спасение, свой выход: молитва и идея о мученичестве» [2, т. 4, с. 197]. Во всем остроге старик-старовер пользовался у заключенных уважением за его набожность и строгие правила. Арестанты называли его дедушкой, никогда не обижали и оставляли ему на хранение свои деньги. В категорию «принявших страдания» входит и арестант, читавший Библию и бросившийся с кирпичом на майора. «Арестанта, читавшего Библию» в повести прямо не причисляют к раскольникам, но впоследствии, в романе «Преступление и наказание», Достоевский выведет фигуру Миколки-красильщика, из староверов, который сознательно возьмет на себя вину Раскольникова, дабы «страдание принять». Его поступок Порфирий Петрович прокомментирует тем же сюжетом, который был использован в «Записках из Мертвого дома»: «Знаете ли, Родион Романыч, что значит у иных из них “пострадать?” Это не то чтобы за кого-нибудь, а так просто “пострадать надо”; страдание, значит, принять, а от властей – так тем паче. Сидел в мое

время один смиреннейший арестант целый год в остроге, на печи по ночам все Библию читал, ну и зачитался, да зачитался, знаете, совсем, да так, что ни с того ни с сего сгреб кирпич и кинул в начальника, безо всякой обиды с его стороны. Да и как кинул-то: нарочно на аршин мимо взял, чтобы какого вреда не произвести! Ну, известно, какой конец арестанту, который с оружием кидается на начальство: и “принял, значит, страдание”. Так вот, я и подозреваю теперь, что Миколка хочет “страдание принять” или вроде того. Это я наверно, даже по фактам, знаю-с» [2, т. 6. С. 348]. Способность на религиозно осмысленное самопожертвование является духовным ядром, общим как для православия, так и для старообрядчества.

Следует упомянуть, что при описании двух великих праздников – Рождества Христова и Пасхи – автор установил, что христианская вера является силой, объединяющей людей, основой и условием братства. Во время праздника заключенные начали устраивать всеобщий пьяный кутеж, здесь показана реакция иноверцев на христианский праздник. И старообрядцу, и Нурре тяжело было смотреть на всеобщую гулянку арестантов. Однако они осуждали не сам религиозный праздник, а его производное – пьянство. На взгляд профессора Борисовой, «за осуждающими словами “ух, яман! Аллах сердит будет” стоит признание единого Бога, заветы которого христиане, на взгляд благочестивого мусульманина, нарушают» [1, с. 36].

По мнению Достоевского, идеал русского народа имеет религиозный характер, он выражен не только в православии, но и в других религиях, родственных христианству. Русский народ не любит предателей своей веры, но не враждебен к иноверцам. Писатель убедился, что евреи, христиане и мусульмане молятся одному Богу. Он обнаружил, что и религиозные инородцы уважаемы в русской народной среде. Настаивая на «всепримиримости» и «общечеловечности» сохранившегося в русском народе христианского идеала, Достоевский призывает русский народ взять на себя миссию мессии – следовать духу Христа, чтобы присоединить к себе все души народов мира и решить проблемы человеческой судьбы. Достоевский также надеялся восполнить разрыв между простым народом и интеллигенцией с помощью православия. Народ издревле хранит свою простую нравственность и благочестивые убеждения и в глубине души защищает «духовные корни» всех россиян. Как показывает Вл. Соловьев, «и

худшие люди простого народа обыкновенно сохраняют то, что теряют лучшие люди интеллигенции: веру в Бога и сознание своей греховности» [13, с. 15]. «Европеизированные» интеллектуалы должны учиться у неукротимого духа народа, идущего от русской земли, у его веры в Бога, его необычайной приспособляемости и самопожертвования.

Достоевский об искусстве и формуле «среда заела»

Вопреки утилитарной эстетике Добролюбова и Чернышевского, Достоевский в известной мере отстаивал позицию «искусства ради искусства» и призывал вернуться к самому искусству. В «Записках из Мертвого дома» Достоевский явно сопротивляется попыткам реконструировать моральные нормы, основанные на утилитарных нормах. В отличие от пропаганды Чернышевским «разумного эгоизма» как высшего состояния человеческой мудрости, Достоевский своими глазами видел, что заключенные жертвовали всеми частными интересами в обычном понимании ради того, чтобы проявить свою индивидуальную свободу, но лишь на время создавали иллюзию иррациональной духовной автономии.

Поведение многих каторжан отражает тягу к искусству ради искусства: использование языковых средств во время ссоры (особенно пословиц и выразительных оскорблений), занятие контрабандой «по страсти, по призванию» [2, т. 4, с. 18] и т. д. Сцена покупки Гнедка не только демонстрирует дух коллективизма и чувство собственности каторжан, но также отражает их выдающиеся профессиональные навыки и мотивацию «искусства ради искусства». Как «настоящие знатоки» по подбору новой лошади для острога, Елкин и Куликов вступили в «благородный поединок» [2, т. 4, с. 186]. Хотя Гнедка куплена казною и не требует от них никаких собственных денег, заключенные все равно тщательно ее отбирали и торговались о цене. В сцене представления в каторжном театре Достоевский тоже видел в народе выдающийся художественный талант, с которым не могли сравниться даже профессиональные актеры. Он отметил, что временные «актеры» в исполнении заключенных и оригинальные сценарии, написанные народом, являются бесценными сокровищами, спрятанными среди народа.

Достоевский также выступил с критикой формулы «среда заела» в «Записках из Мертвого дома». Хотя писатель не отрицал разъедающего действия социальной среды на народную по-

чву, он решительно выступил против оправдания любого преступления средой, полагая, что существующее социальное зло коренится не только в обществе, но и в самом человеке, а распространение учения о среде неизбежно приводит к отрицанию свободы воли, снимает с человека нравственную ответственность за свои поступки. Такие идеи также скрыты среди русского народа: «Вы согрешили и страдаете, но и мы ведь грешны. Будь мы на вашем месте – может, и хуже бы сделали. Будь мы получше сами, может, и вы не сидели бы по острогам. С возмездием за преступления ваши вы приняли тяготу и за всеобщее беззаконие. Помолитесь об нас, и мы об вас молимся. А пока берите, “несчастные”, гроши наши; подаем их, чтобы знали вы, что вас помним и не разорвали с вами братских связей» [2, т. 21, с. 17].

Народ заменил слово «преступник» словом «несчастный», в котором заключено христианское представление о первородном грехе человеческой природы. Согласно Н. О. Лосскому, «народ считает преступление виною, которая заслуживает наказания, тем не менее, стремится облегчить участь наказанного человеческим отношением к нему» [14, с. 369]. Называя преступников «несчастливыми», на самом деле это проявление гуманитарного духа разделения ответственности за преступление – каждый несет ответственность за общественное зло, и каждый может спастись и пережить духовное возрождение. По мнению Ван Хайсона [15], подавляющее большинство «несчастливых» может стремиться к чувству социальной идентичности под вдохновением православного христианства, которое также можно охарактеризовать как особый опыт «соборности» в узком смысле. Принятие благотворительной любви от других и в то же время предоставление благотворительной любви другим – это процесс передачи чувства идентичности. Будучи заключенными, возможность принимать милостыню от других – это своего рода счастье. А когда они отдают часть получаемой ими скудной милостыни в церковь, они получают своего рода очищение и сублимацию духа.

Заключение

Четыре года каторжного опыта открыли писателю безбрежный в своей противоречивости и глубине духовный мир русского народа. Достоевский создал ряд типов, в которых наметил основные характерологические доминанты русского народа, такие как тяга к страданию и

духовному самосовершенствованию, плотская страстность, исконные религиозные убеждения, стремление к общественной справедливости, правде и свободе и т. д. У них сложные душевные процессы, многогранная нравственная жизнь. Они талантливы и одухотворены, являются носителями православного духа и русских корней. Эти образы не только дополнили галерею народных типов, но и вновь открыли для читателей подспудные духовные силы, таящиеся в народной массе, неистовые страсти и нераскрытые таланты, погребенные в «Мертвом доме». Эти народные типы стали своеобразными «прообразами» героев будущего творчества Достоевского. Эти образы важны для понимания мировоззрения Достоевского периода каторги. Их контрастные черты характера также предвосхищают позднейшие открытия Достоевского в сфере изображения русского национального характера.

Хотя Достоевский и не скрывал очевидной жестокости, варварства и отсталости русской крестьянской жизни, он все же считал, что в ее основе сохраняются благородные христианские добродетели милосердия и самопожертвования. Он верил в духовную силу и нравственную мощь русского народа и видел путь спасения развитой личности в слиянии с народом. По мнению писателя, эти «несчастные» могут быть морально лучше, чем те люди из высшего сословия, которые равнодушны к религии и не поклоняются Богу. Православная вера и «общечеловечность» русского народа создали его религиозную терпимость, которая идет на пользу его исторической миссии решения проблемы человеческой судьбы. Интеллигенция должна поклоняться народной правде, внимательно учиться у народа и набираться сил от общения с ним. В народном вопросе Достоевский всегда отстаивал воспитательную и воскрешающую роль искусства. Он не отрицал разрушительного воздействия искаженной социальной среды на народную почву, но решительно выступает против использования выражений «среда заела» в качестве оправдания любого преступления.

Список литературы

1. Борисова В. В. Национальное и религиозное в творчестве Ф. М. Достоевского : дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 1997. 312 с.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990. Т. 4. 326 с. ; Т. 6. 424 с. ; Т. 21. 550 с.
3. Щенников Г. К. Достоевский и русский реализм. Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1987. 350 с.
4. Теофилов М. П. «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского. Поэтика и проблематика. Шумен : Университетское изд-во «Епископ Константин Преславски», 2022. 210 с.
5. Одинокое В. Г. Типология образов в художественной системе Ф. М. Достоевского. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1981. 145 с.
6. Добролюбов Н. А. Забытые люди: Униженные и оскорбленные: Критика романа Ф. М. Достоевского. СПб. : Деятель, 1911. 77 с.
7. Михайловский Н. К. Десница и шуйца Льва Толстого; Ф. М. Достоевский – жестокий талант. М. : КРАСАНД, 2010. 202 с.
8. Переверзев В. Творчество Достоевского. 3-е изд. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. 234 с.
9. Rosenshield G. Akul'ka: The incarnation of the ideal in Dostoevskij's Notes from the House of the Dead // The Slavic and East European Journal. 1987. Vol. 31, № 1. P. 10–19. <https://doi.org/10.2307/307010>
10. Белик А. П. Художественные образы Ф. М. Достоевского: Эстетические очерки. Изд. 2-е. М. : Ленанд, 2021. 224 с.
11. Криницын А. Б. Сюжетология романов Ф. М. Достоевского. М. : МАКС-Пресс, 2017. 456 с.
12. Берлин П. Русская литература и евреи // Новый журнал. 1963. № 71. С. 78–98.
13. Соловьев В. С. Три речи в память Достоевского: (1881–1883 гг.). М. : Университетская тип., 1884. 56 с.
14. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953. 406 с.
15. 万海松, 《死屋手记》中“不幸的人”与东正教认同感. 外国文学研究, 2018, 40(2): 31-42页 (Ван Хайсон. «Несчастные» и идентификация Православной церкви в «Записках из Мертвого дома» // Иностранное литературоведение. 2018. Т. 40, № 2. С. 31–42).

Поступила в редакцию 24.02.2024; одобрена после рецензирования 01.05.2024; принята к публикации 28.08.2024; опубликована 29.11.2024

The article was submitted 24.02.2024; approved after reviewing 01.05.2024; accepted for publication 28.08.2024; published 29.11.2024